

В. А. Волчек,
доктор исторических наук, профессор
Кемеровский государственный университет

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА КАФЕДРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Осмысление опыта исторического развития российской цивилизации является, несомненно, необходимым условием для определения нравственных ориентиров нашего общества. С 90-х гг. XX в. Русская православная церковь (РПЦ) стала рассматриваться государством, определенными политическими объединениями, частью общества как интегрирующая сила, на протяжении ряда столетий сохраняющая духовную преемственность и единство народа.

Дореволюционная историография уделяла много внимания изучению истории РПЦ. Причем труды церковных авторов занимали главенствующее положение. Светские исследователи, как правило, затрагивали лишь отдельные аспекты ее истории при описании государства и общества. В работах XIX – начала XX вв. содержится огромный фактический материал, были поставлены вопросы периодизации, места православия в истории государства и народа. В исследованиях этого периода сведения по истории церкви в Сибири в основном фрагментарны, отражают лишь ход внешних событий. В них большое внимание уделяется историко-культурным достопримечательностям. В связи с этим нельзя не сказать о таких ученых, как П. Н. Буцинский, Д. Н. Беликов, В. И. Вербицкий, Е. Н. Воронец, Т. А. Догуревич, Е. К. Смирнов, П. Сумароков, П. А. Слоцов, Н. М. Ядринцев и других.

В послереволюционный период был сделан упор на разработку новой концепции церковной истории при преобладании идеологических установок. Внимание историков в основном привлекали проблемы формирования и функционирования монастырского землевладения, политика секуляризации, социальные конфликты. Следует отметить, что уже в конце 80-х гг. XX в. наметилось изменение подходов к изучению истории и РПЦ, что нашло отражение в коллективной монографии «Русское православие: вехи истории», вышедшей в 1989 году.

В девяностые годы произошел перелом в изучении истории церкви вообще, и в Сибири в частности. Это нашло отражение и в направлении исследований на кафедре отечественной истории Кемеровского государственного университета. В 1992 г. в статье «К изучению истории Кузбасса дореволюционного периода» автор отмечал, что неизученными остаются вопросы, связанные с анализом роли и значения церкви, как в освоении края, так и в формировании духовного фона региона. В этом же году в статье «К вопросу о дальнейшем исследовании истории церкви в Западной Сибири» было отмечено положительное значение программы «Роль религий в истории и современном мире», принятой в 1989 г., круглого

стола светских и церковных историков «Роль Русской православной церкви в истории России». Однако автор указал на то, что в комплексной программе не была отражена необходимость изучения истории церкви в отдельных регионах. Были выделены основные направления изучения истории церкви в Западной Сибири: отказ от некоторого пренебрежительного отношения к трудам и выводам дореволюционных исследователей; включение в сферу анализа трудов не только советских ученых, но и работ дореволюционных и современных авторов клерикального направления; проведение библиографической работы, изучение роли и влияния на духовную жизнь населения приходских священников; уточнение идеологической и политической роли монастырей, церковных приходов на местах и другое.

В 1996 г. на конференции «Духовная и светская культура как фактор социального развития региона», проходившей в Кемеровском государственном институте культуры и искусств было выдвинуто положение о РПЦ как факторе сохранения нации. В условиях, когда процесс становления и упрочения политических институтов России происходил на фоне постоянного расширения территорий, многонационального характера государства требовалось найти в русском обществе ту силу, которая могла бы цементировать нацию. За счет того, что на окраинах священнослужители были зачастую единственными представителями интеллигенции, миссионерской и просветительской деятельности, централизации религиозной организации, отсутствия инквизиционной практики, использования идей мессианства («Москва – третий Рим»), слабого развития светского образования, православная церковь и стала такой силой.

Сейчас уже можно смело говорить о достигнутых результатах. Так, А. М. Адаменко в своей кандидатской диссертации и монографии «Приходы русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVIII – начале XX века», вышедшей в 2004 году, указывает, что юг Западной Сибири начал осваиваться Русской православной церковью параллельно с процессом заселения Сибири русским населением. Поэтому образование первых приходов можно отнести к началу XVII в. Первые приходы, как правило, образовывались при острогах (Томск, Кузнецк). Постепенно по мере расселения русских к югу шло освоение территорий будущих Кузнецкого, Бийского и Барнаульского уездов, что вело к образованию новых приходов. Особенно бурно процесс образования их проходил в XIX – начале XX в., что было связано с промышленным освоением территорий Мариинской тайги и Алтайского округа и волной вольного крестьянского переселения на юг Западной Сибири. Приходы, как выяснил А. М. Адаменко, характеризовались значительными размерами как по количеству прихожан, так и по территории, входящей в них.

Исследователь выделил несколько типов приходов: сельские, городские, при заводах и рудниках, при военных укреплениях, инородческие. В начале двадцатого столетия появляются единоверческие приходы и приходы при железнодорожных станциях. В целом на данной территории постоянно преобладали сельские приходы с большинством населения, состоящим из

крестьян и поселенцев. Достаточно большую группу составляли инородцы, учет которых был систематизирован только в XIX в., а также служащие, мастеровые и разночинцы. В городских наблюдениях увеличилось количество купцов и мещан. В среднем на протяжении всего изучаемого им периода наиболее крупными являлись приходы южной части региона (Барнаульского, Бийского уездов). Они обычно включали в себя несколько населенных пунктов, расстояние между которыми было довольно значительным (иногда более 50 верст). Хотя в начале XX в., как установил ученый, около четверти приходов уже состояли из одного селения. Размеры приходов по количеству душ были самыми разнообразными.

Одной из основных задач, стоящих перед прихожанами, после того как они осознавали необходимость открытия собственной самостоятельной единицы, являлось строительство храма, которое в основной массе общин осуществлялось на собственные средства. Во время строительства каменных или больших деревянных храмов производился сбор добровольных пожертвований по епархии и за ее пределами. В отдельных случаях инициатором постройки выступали представители государства (Кольвановоскресенский горный округ, фонд императора Александра III) или частные лица. Большинство церквей были деревянными, хотя со стороны государства постоянно шли требования о строительстве по возможности каменных храмов. Обычным материалом служили лиственница, кедр, ель. Первоначально церкви строились на берегах рек, но постепенно от подобной практики стали отказываться, и церкви в XIX в. обычно сооружались в центре населенных пунктов.

Содержание храмов почти полностью возлагалось на приходскую общину, и особым лицом, следящим за этим, становился церковный староста. В его задачи входило наблюдение за строительством и содержанием храма, сбором и расходованием денежных поступлений из церковных сумм. В конце XIX в. появился новый источник доходов на содержание церквей – проценты с банковского капитала. В помощь старостам в середине XIX в. стали создаваться особые органы – церковно-приходские попечительства, которые обязаны были следить за состоянием храма, кладбищ, школ, богоугодных заведений и пр.

Клир, состоящий из священноцерковнослужителей, являлся неотъемлемой частью приходской структуры. Первоначально члены причтов избирались прихожанами, но постепенно набирает силу процесс замены данной формы замещения вакантных мест на назначение причтов со стороны епархиальной власти. Сибирь в XVIII в. в основном обслуживалась священноцерковнослужителями, переехавшими из европейской части России. Лишь в XIX в., с созданием большого количества духовных школ в Сибири, среди клира начинают преобладать местные кадры. Во второй половине XIX – начале XX в. большинство членов клира составляли люди в возрасте 20–40 лет с довольно высоким уровнем образования; повышается процент тех, кто окончил светские учебные заведения.

Исследователь убедительно показал, что одним из важных вопросов во взаимоотношениях прихожан и причтов было содержание храмов и священного клира. В основной массе приходов содержание осуществлялось за счет самих прихожан. К каждой церкви обязательно должны были выделяться земельные наделы, дома для жительства причтов. Вместо выделения земли могла выплачиваться хлебная руга, иногда она заменялась денежным жалованием. Но далеко не все приходские общины выполняли данные требования, и со стороны священников постоянно шли нарекания на бедный уровень жизни. В конце XIX в. появляется еще один источник доходов – проценты с капиталов, завещанных на содержание храма или причтов: от доброхотных дарителей, которые вкладывались в Государственный банк России.

А. М. Адаменко показал, что на юге Западной Сибири на протяжении всего периода шел процесс формирования приходской системы с постоянным увеличением количества приходов, разнообразием их форм. Преобладающим типом приходов для данной территории на протяжении XVII – начала XX в. являлись сельские приходы. Основной категорией населения в них были крестьяне и поселенцы. Инициатором открытия приходов в основном являлось население.

Нет оснований говорить, как это делали некоторые исследователи, что в среде священноцерковнослужителей сложилась система наследственного занятия вакансий в причтах. Основным для данного региона было назначение в клир со стороны епархиального начальства. К началу XX в. нет оснований говорить о полной замкнутости духовного сословия, об этом можно судить по образовательным учреждениям, которые заканчивали члены причтов.

Большую ценность, на наш взгляд, представляют списки состава приходов Томского, Кузнецкого и Барнаульского духовных правлений в XVIII в. и Томской епархии в 1914 г.

В своем исследовании «Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917)» Ю.Ю. Гизей показала, что экономическое развитие России поставило вопрос повышения образовательного уровня населения. События начала 80-х гг. XIX в. указали на необходимость держать этот процесс под строгим контролем. На первый план были выдвинуты задачи воспитания подрастающего поколения в духе государственной идеологии и обучения необходимому набору знаний.

В этих условиях правительство сделало ставку на развитие сети начальных церковных школ. Государство стремилось использовать силу идеологического влияния церкви на общественную жизнь страны. Не последнюю роль играла относительная дешевизна церковной школы. Кроме того, РПЦ к концу XIX в. накопила достаточный педагогический опыт, а потому могла включиться в процесс распространения грамотности среди прихожан.

Издание правил о церковно-приходских школах 1884 г. положило начало формированию системы начального церковного образования, просуществовавшей до 1917 г. и занявшей значительное место в системе

начального образования Российской империи. Многие структуры и элементы церковной школы были скопированы у министерства народного просвещения (МНП).

Главной чертой начального образования в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. являлся постоянно растущий «школьный голод», что было связано с активной переселенческой политикой. Церковная школа Томской епархии, составившая более половины всех начальных учебных заведений губернии, также не смогла заполнить собой рынок образовательных услуг и обеспечить потребности всего населения в образовании.

Церковные школы, во многом благодаря деятельности церковно-школьной администрации, быстро заняли лидирующее положение в образовательной системе губернии. В утвержденной МНП в 1914 г. школьной сети по Томской губернии церковные школы составляли 56 % от общего количества существующих начальных учебных заведений, а количество учащихся в них – 51 %.

Быстрое развитие сети церковных школ потребовало создания развитой системы управления, включавшей в себя Томский епархиальный училищный совет и 7 его уездных отделений. Анализ личного состава Совета и его отделений, который провела Ю.Ю. Гизей, свидетельствует, что успешная деятельность Совета и его отделений во многом зависела от образовательного ценза и педагогического опыта их членов, поэтому наиболее плодотворной являлась деятельность отделений, находящихся в уездах, имеющих духовные училища: Томское, Барнаульское и Бийское.

Церковно-приходская школа Томской епархии, в сравнении с министерской, имела более низкую учебную и материально-техническую обеспеченность, что было связано со слабым финансированием. На церковную школу средств тратилось в 3,5 раза меньше, чем на министерские школы.

Финансирование церковных школ епархии состояло из трех источников: местных, казенных и пособия из губернского земского сбора. Их соотношение на протяжении всего периода было неодинаковым. На начальном этапе, как показали исследования, церковные школы содержались в основном на местные средства. В Томской епархии большую часть местных поступлений составляли средства сельских и волостных обществ, а также частная и общественная благотворительность. По России эти показатели были заметно ниже. Из благотворителей и попечителей наибольшие средства вносило купечество, хотя основной массой попечителей церковных школ являлись крестьяне. Ухудшение материального положения сибирской деревни в начале XX в. негативно сказывалось на финансировании церковно-приходских школ и особенно школ грамоты. Выделение с 1887 г. пособия из губернского земского сбора способствовало развитию церковно-школьного дела. Однако, оставаясь на протяжении 15 лет неизменным, оно не могло обеспечить существующий темп роста сети церковных школ. Казенные средства, начавшие поступать в епархию с 1896

г., постепенно к 1908 г. становятся основным источником финансирования церковных школ. Сравнение с общероссийскими тенденциями показывает, что в Томской епархии основную часть содержания церковных школ составляли местные средства и земское пособие. Ситуация меняется, лишь тогда, когда участие в организации всеобщего обучения в губернии потребовало резкого увеличения расходов на содержание церковно-школьного дела.

Учительский персонал церковных школ на протяжении рассматриваемого периода претерпел существенные изменения. Во-первых, пришлось отказаться от учителей из членов причта. Во-вторых, благодаря стараниям церковно-школьной администрации, удалось значительно повысить качество учительского персонала. Вырос образовательный ценз учителей церковных школ, к 1917 г. основную массу учителей ЦШ составляли лица со средним образованием либо сдавшие соответствующие испытания на звание учителя церковно-приходской школы. В-третьих, увеличивается удельный вес учительниц среди учащихся церковных школ, что было связано с изменением социального статуса женщины и военными мобилизациями, которые отнимали у школы учителей-мужчин.

Низкое жалованье (по сравнению с учителями министерских школ) и слабая социальная защищенность приводили к большой текучести кадров и семейной необустроенности учителей церковных школ. Большинство учительниц преподавали в школе до замужества, а мужчины рассматривали свое учительство как условие дальнейшего карьерного роста по духовной линии. Ю. Ю. Гизей выделила три этапа в развитии начального церковного образования в Томской епархии. Первый (1884–1896) был связан со становлением структуры управления, а также увеличением сети начальных учебных заведений. С изданием в 1884 году «Правил о церковно-приходских школах» началось церковно-школьное строительство в епархии. Нижняя граница периода обусловлена вмешательством светской власти в развитие сети начальных учебных заведений. По распоряжению томского губернатора А.А. Ломочевского в губернии было создано около 1000 домашних школ грамотности, которые в 1896г. были переданы в ведение томского епархиального училищного совета.

Во второй период (1896–1908) основная деятельность церковно-школьной администрации была направлена на сохранение сети и совершенствование материально-технической базы и учительского персонала существующих школ. Характерной чертой этого периода стало сокращение сети церковных школ за счет школ грамоты, содержащихся в основном на средства сельских обществ. Совет, по мере роста финансовых средств, стремился увеличить сеть одноклассных церковно-приходских школ. Параллельно предпринимаются меры по улучшению педагогического состава церковных школ: создается сеть второклассных школ, проводятся краткосрочные педагогические курсы. Повышению качества преподавания способствовало создание церковно-школьной инспекции.

Третий период (1909–1917), как указывает исследователь, был связан с проведением работ по разработке и внедрению школьных сетей в Томской губернии. Томский епархиальный училищный совет настоял не только на включении своих школ в сети, но и добился решения о дальнейшем развитии школьной сети губернии за счет церковных школ. В 1909 г. все существующие школы грамоты были преобразованы в одноклассные церковно-приходские. Участие церковно-школьной администрации в реализации всеобщего обучения в губернии выразилось в открытии дополнительных учительских вакансий, новых школ и активизации строительства школьных зданий. У Совета существовал план дальнейшего развития системы церковных школ до 1924 г., который мог быть реализован лишь при условии увеличения казенных ассигнований.

Постановление Временного правительства о передаче церковных школ в ведение министерства народного просвещения, а на местах – органам местного самоуправления прервало реализацию этих планов. Бывшие церковные школы вместе со своей материально-технической базой и учительским персоналом были включены в систему светского начального образования.

Изучению некоторых аспектов истории РПЦ уделяет большое внимание В.А. Овчинников. В 2002 году он защитил диссертацию по теме «Православные монастыри, архиерейские дома и женские общины томской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.», в 2004 году вышла его монография «Православные монастыри и женские общины томской епархии во второй половине XIX – начале XX века». Исследователь пришел к выводам, что на протяжении второй половины XIX начала XX вв. шло быстрое развитие монашеских обителей Томской епархии, характеризующееся количественным и качественным ростом. За 1860–1916 гг. их количество возросло с 2 до 13. Процесс шел в рамках общероссийских тенденций, но имел свою специфику. Большинство обителей епархии были женскими и появились как женские общины на волне подъема благотворительности и религиозности в обществе. Культурно-просветительская работа (в силу слабого развития сети государственных и частных просветительно-благотворительных заведений) имела для обширных и малоосвоенных просторов Западной Сибири большее значение, чем в европейской части.

Существенным фактором, определившим миссионерскую направленность большей части монашеских обителей епархии, явилось их расположение в приграничной области, входившей в сферу стратегических интересов государства в азиатском регионе. Семь из 13 монастырей и общин епархии находились в ведомстве Алтайской духовной миссии. Миссионерские монастыри играли роль форпостов русской цивилизации, постепенно превративших языческий мир в периферию единого православного пространства. Помимо религиозного, они имели важное государственное значение, так как неразрывно были связаны с укреплением идеологической основы империи и противодействовали распространению ислама и буддизма на юге Западной Сибири. Культуртрегерское влияние, оказываемое монастырями,

расширяло взаимопроникновение культур, способствуя вхождению инородцев в административно-правовое и культурное поле Российской империи.

Общероссийская тенденция преобладающего роста числа монашествующих женского пола четко прослеживается и в Томской епархии, в которой они к 1916 г. превосходили число монахов и послушников и 8,5 раза. По сравнению с мужскими, женские обители характеризовались большей стабильностью состава. Основным источником пополнения числа насельников монастырей являлись представители крестьянского сословия, преимущественно жители Томской губернии. Монашествующие обладали практически стопроцентным уровнем грамотности и высокой степенью образованности по сравнению со средними показателями указанных характеристик населения Сибири.

Исследователем отмечено, что в повседневной жизни обителей решения высшей и епархиальной властей играли незначительную роль. Перспективное развитие монастырей, в том числе и усиление значения в просветительской жизни региона, было связано с общепархиальными программами, то есть зависело от решений, принимаемых на епархиальном уровне. Женские обители отличались развитой организационной структурой и многочисленными административно-исполнительскими должностями, четким горизонтальным разделением по специализированным линиям.

В начале XX в. произошли изменения управления, сказанные с укрупнением обителей, активным применением принципов соборности и выборности, усилением роли и степени участия к жизни региона.

Вторая половина XIX в. была ознаменована появлением великих образцов русской святости. Имена подвижников: митрополита Московского Макария (Невского), настоятельницы Улалинского миссионерского монастыря монахини Ольги – стали известны повсеместно по территории Российской империи.

За исследуемый период монашеские обители при поддержке общества и государства создали комплексные развитые хозяйства, увеличили капиталы. Большое значение для их развития имело появление в результате реформ 60-70-х гг. XIX в. нового социального слоя предпринимателей-благотворителей. Вместе с экономическим развитием монастыри увеличивались количественно и принимали более прогрессивные формы просветительно-благотворительные заведения при них.

Монашеские обители играли роль культурно-просветительских центров для окрестного населения, оказывая влияние на формирование нравственной основы и ценностных установок, способствуя росту элементарной образованности. Храмы монастырей служили духовными центрами епархии. Помимо религиозно-нравственного, большое культурно-просветительское воздействие оказывали существовавшие при обителях иконописные мастерские, декоративно-прикладное искусство, церковные хоры, народные чтения. В большинстве случаев обители служили примером рациональных отношений в коллективе, любви к ближнему, эффективного хозяйства.

Монастыри играли роль социального стабилизатора, решая проблемы путем призрения и обучения, лечения социально незащищенных слоев общества. Большое значение имела деятельность обителей во время эпидемий, неурожаев, войн. Специфическим видом культурно-социальной деятельности было погребение и отпевание умерших. С монастырскими пантеонами связано сохранение исторической памяти народа.

Просветительно-благотворительная деятельность осуществлялась монастырями также в форме организации школ, приютов, больниц, библиотек, богаделен. На основании количественного и качественного роста учебных и благотворительных заведений, применения новых форм и методов работы, политики государства и общего развития просветительской епархиальной сети Овчинниковым В.А. было выделено два этапа в процессе развития просветительно-благотворительной деятельности обителей епархии.

В конце XIX – начале XX в. для женских обителей были характерны следующие формы работы: создание просветительно-благотворительных комплексов (школа, приют, богадельня, библиотека, больница), создание учебных заведений по подготовке учителей.

Миссионерская направленность преобладала в работе большинства монастырских школ и приютов.

Новые условия требовали применения и нетрадиционных, современных форм работы. Опыт церковных училищ по подготовке учителей Томского архиерейского дома и Чемальской общины, Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском монастыре был признан передовым в империи. Просветительно-благотворительные заведения монашеских обителей занимали важнейшее место в программе развития просветительской деятельности в Томской епархии.

Данные выводы свидетельствуют о высокой степени влияния монашеских обителей на формирование социокультурных характеристик региона. Монашествующие, послушники и послушницы, составляя к 1916 г. лишь 0,028 % православного населения Томской епархии, оказывали значительное воздействие на духовную жизнь населения юга Западной Сибири, служили объединяющим компонентом благотворительных усилий государства и различных слоев общества, облекая их в конкретные общественно значимые формы.

К.Ю. Иванов защитил диссертацию по теме «Старообрядчество юга западной Сибири второй половины XIX – начала XX века». Он выявил размытость границ между старообрядчеством и официальным православием в народном его варианте. Схожими являются отношения к синодальному духовенству, целям и формам обучения подрастающего поколения.

Была изучена тенденция роста численности старообрядцев. Анализ динамики численности позволил выявить тенденцию сохранения удельного веса старообрядческого компонента в конфессиональной структуре населения региона, был примерно на одном уровне за счет как естественного, так и механического прироста. Наиболее населенными старообрядцами являлись на

протяжении всего изучаемого периода южные уезды – Барнаульский, Бийский и выделившийся из последнего в 1895г. Змеиногорский, что было связано как с земледельческим освоением этих плодородных земель, так и с удаленностью от духовных и светских властей.

Другой важной тенденцией на протяжении всего изучаемого периода являлась дифференциация согласий и появление новых толков, которые имели как внешнюю причину – переселение из других регионов носителей иных обрядово-догматических традиций, так и внутреннюю – отсутствие полноценного духовного образования и самостоятельное толкование вопросов богослужебной практики.

На примере старообрядчества юга Западной Сибири подтверждены противоречия «золотого десятилетия», выявленные Ю.В. Клюкиной для уральского региона и выражавшиеся в отторжении частью толков и согласий возможности вхождения в формирующееся гражданское общество. Появляется новый критерий для деления старообрядчества на два направления – общинников и противобщинников. Наиболее включенными в формирующийся в России новый тип общества оказались представители двух наиболее влиятельных в регионе согласий – поморского законобратного и, особенно, белокриницкого. Деятельность этих согласий являет положительный пример проявления в изучаемом регионе «золотого десятилетия» российского старообрядчества. Предсказуемым является негативное отношение наиболее радикальных согласий (странников, титовцев), неожиданным – часовенного согласия, ранее достаточно терпимо относившегося к РПЦ и государству. Юг Западной Сибири стал одним из центров формирования на базе часовенного нового согласия – не приемлющих общин.

Отношения РПЦ и старообрядчества имеют аналогии в других регионах. Первоначально господствующая церковь боролась с «расколом» при полицейской поддержке государства. Изменения и в государственной, и в синодальной политике в сторону смягчения начинаются с последней четверти XIX в., когда старообрядцам законами 1874 и 1883 гг. постепенно возвращается часть гражданских прав. Крупным событием стало дарование старообрядцам в 1905–1906 гг. практически всех гражданских и религиозных прав, когда фактические старообрядцы, формально принадлежавшие к официальному православию, получили возможность легализовать свою истинную конфессиональную принадлежность. Однако необходимо отметить, что в своем отношении к старообрядцам синодальные священники и миссионеры не всегда руководствовались решениями высшей власти или Томской духовной консистории. Особенностью изучаемого региона является проведение борьбы со старообрядчеством силами не только специального противораскольнического братства, но и противоязыческой миссии.

В 2007 году кафедрой Отечественной истории КемГУ совместно с лабораторией истории южной Сибири института экологии человека СО РАН была издана с благословения епископа Кемеровской и Новокузнецкой епархии Аристарха коллективная монография «Русская православная

церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.)». Работа посвящена 15-летию епархии. По сути дела в ней, во-первых, подведены некоторые итоги работы кафедры в данном направлении; во-вторых, участие в ее написании сотрудников других научных коллективов (А.В. Горбатов, О.Н. Устьянцева) свидетельствуют о необходимости объединения усилий различных научных коллективов в изучении истории РПЦ.